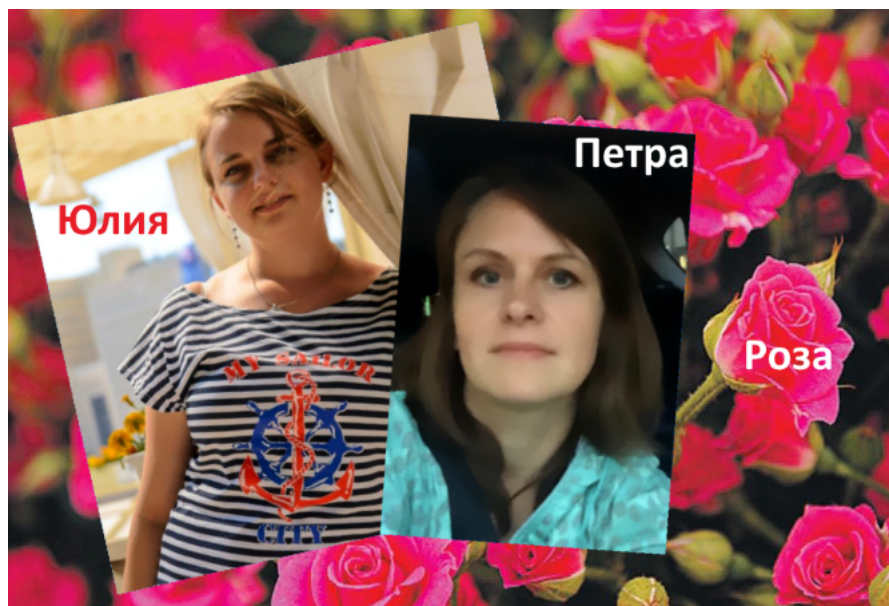

Литературные обозреватели портала на "Кубке Мира по русской поэзии - 2020" Петра (Татьяна) Калугина (П.К.) и Юлия Малыгина (Ю.М.) о конкурсных произведениях с 81 по 100.

Встреча пятая

О конкурсных произведениях с 81 по 100

ЮМ:

Таня, хотела начать с тобой разговор о правде и вымысле, как вдруг поняла, что забыла на работе все маркеры, те самые маркеры, которыми помечаю удачные строки и те, что не нравятся.

Моментально все мысли выветрились и единственной целью стало обнаружение маркеров, зелёного, оранжевого и розового. Первый жёлтый нашёлся в прикроватной тумбочке, второй жёлтый в моём «кабинете» на кухне, третий ждал меня в коробке с канцелярией. Везде был только жёлтый, одинаковый жёлтый.

И я вначале поняла, что придётся изобретать новый метод, позволяющий использовать эти три одинаковых маркера для выделения противоположного, а потом вспомнила, что со среды на удалённой работе, но это не значит, что я ограничена в передвижениях и можно сходить в магазин.

И тогда поняла, что истинный предмет разговора — это инструментарий. Ведь часто бывает, что стихи всё время как будто сделаны по шаблону, может и по своему шаблону,

Автор: Субъектив
15.10.2020 14:00

собой сделанному шаблону, но — шаблону. А иногда кажется, что стихи сами пересобрали себя, будто кто-то изобрёл метод, по которому это стихотворение может быть написано.

А иногда есть полное ощущение, что стихотворение пришло к человеку, но у того оказались только жёлтые маркеры и совершенно не было времени и сил на поиски других цветов.

Скажи, что думаешь ты об инструментарии поэта — в каком случае ты будешь испытывать раздражение, а в каком — некоторые приятные чувства; и второе — насколько для тебя важен инструментарий, насколько ты его оцениваешь как читатель?

ПК:

Как читатель я его даже и не оцениваю, Юль. Это было бы всё равно что прийти в мастерскую художника и рассматривать не сами картины, а кисти, мастихины, палитры, всякие там ветоши и затирки).

Я и вообще смутно представляю, что такое «инструментарий поэта». Мне кажется, поэт — сам инструмент.

Ты сейчас подсказываешь на мой уточняющий вопрос в мессенджере:

«А вот как ты сама понимаешь? Что это? Слух? Взгляд? Техника? Начитанность?

Положение души в пространстве?»

Так-с... Пожалуй, это всё же некое свойство сознания — видеть другую сторону речи (не только прагматично-коммуникационную), видеть в речи некое, действительно, как ты выразилась, «пространство», и всё время в него стремиться.

Одни так стремятся к знанию, к богу, к деторождению, даже к морю, а определенная (не очень большая) часть популяции стремится так к речи.

Наверное, та «мышца», которая отвечает за интенсивность устремления, и есть главный инструмент поэта. Она может одрябнуть, ее можно прокачать, а можно напичкать искусственными стероидами. Каждый, у кого она есть, обращается с ней по собственному усмотрению.

У писательницы Анны Старобинец, мистического фантаста, есть рассказ «Икарова железа» — о некоем загадочном органе, открытом в теле человека в недалёком будущем и отвечающем за тягу к «полётам к солнцу» (то бишь к любым безрассудным, рискованным поступкам, к подростковому бунту, к опасной спонтанности, а заодно и вообще к любой спонтанности и необычности, к выражению индивидуальности). Эту железу начали всем поголовно удалять. Общество сразу стало мирным, плюшевым и уютным.

(И в нем, наверное, больше никто не писал стихов, — добавлю я от себя, потому как сама Анна Старобинец в этом рассказе аспекта поэзии не коснулась).

В общем, такая вот мышца устремления к речи — разновидность икаровой железы — и есть главный инструмент поэта, на мой взгляд. И ничего другого может не быть: он может быть косноязычным, да вообще неграмотным, неумным, саморазрушающимся,

безнравственным, просто злым...

Вот так я отвечу на твой вопрос.

А теперь (потираю руки)) приступим к нашим разборам.

[Конкурсное произведение 81. "На тему"](#)

ЮМ:

Про Маяковского подметили все и кажется, что и добавить нечего, но на самом деле — есть, потому что ничего плохого в наследовании Маяковскому нет, равно как и в ненаследовании; тут дело в другом — в позиции.

Маяковский написал огромное количество агиток против веры, против церкви и попов (не знаю, как он относился к монашеству, но беглого просмотра собрания сочинений хватило, чтобы понять, да, он резко отрицал веру и необходимость веры)

Как в свете этого относиться к:

*А то унизишь, возьмёшь в истоме
какую из Киева, запрёшь в доме,
на цепь золотую посадишь,
вот тебе свечка, икона, ладан,
жёны не бляди, милая,
уедешь неудержимой страсти ради
в Африку стрелять крокодила.*

В Африку стрелять крокодила и привозить жирафа — это Гумилёв, вроде, да? А «Улица, биржа, аптека, тир ли,» — хоть убейте, возникает Блок.

Всё, пропала обозревательница, пойду к следующему тексту. А этому хочется сказать: «Вот эту бы энергию, да в другое русло». Потому что мощная энергия в строке, но маяковский ритм, его поэтика как будто говорит — «это моя энергия». Зачем же прятать своё за другим?

А сама энергия в строке мне очень нравится, она бьёт через край. Как и уровень иронии/самоиронии.

ПК:

Стихотворение, с места в карьер пустившееся выделять вензеля, говорить на чудаковатом языке — лобли, тирли, борделя, — но очень быстро перешедшее на привычную унылую рысцу — дактили/ птеродактили, рифмы/ рифы, Давида/ вида.

В четырех строфах из восьми поминаются «господи» или «боже», в одной — Зевс в облики дождя и лебедя и в компании Гавриила, еще в одной (видимо, чтобы уравновесить обилие божественного и перекликнуться с «борделей») возникает «блядь». Да не просто «блядь», а с ритуальным ножом в руках, после встречи с которым герой уходит «обрезан, обезображен».

Единственно прекрасными — хоть и самыми чудовищными, ужасными, — единственно «почти маяковскими» и «анти-гумилёвскими» — являются в стихе три строчки концовки:

*и вот – привезёшь ей,
бросишь к ногам, как свою на плаху,
ещё горящую, с плеч ещё, рыжую голову жирафа!*

Это ведь он, убитый и расчленённый на глазах у посетителей зоопарка жираф Мариус. И — это он, конечно же, изысканный, с озера Чад... Между первым и вторым — век времени. Двадцатый век (с чуть захваченным 21-м).

Тут открывается целая бездна для коннотаций и толкований. Бездна — в смысле пространство, полное связей и напряжений.

Жаль, что эти действительно классные строчки пропадают втуне, погребённые под откровенно неудачными.

РБ: (вопрос от Доктора)

Читать, во всяком случае, было интересно, не правда ли?

ЮМ:

Да, я с интересом следила за всеми этими хитросплетениями, но богоборческие и антицерковные стихи Маяковского заслонили мне здесь всё.

[Конкурсное произведение 82. "Мимо сердца"](#)

ПК:

Стихотворение, которое так и тянет отнести к «тихой лирике», согласившись сразу со всеми комментаторами, отметившими его классичность, традиционность, прозрачность и общую такую «приятность»...

Но если приглядеться к этой «приятности» попристальней, стихотворение-то — про страшное, получается! Про заколотого не насмерть, навзничь упавшего, устремившего в небо распахнутые глаза. А небо полно птиц. А птица — символизирует здесь дыхание, свободу быть живым (это уже позже, в финальной строке, сакральные «птицы» превращаются в зловещих воронов и начинают означать другое — утрату дыхания, умирание).

Если брать чисто сюжет, картинку, то стих рассказывает о том, как некто пырнул ножом

Автор: Субъектив
15.10.2020 14:00

гуляющего по саду лиргероя. Подло, со спины (под лопатку вошло), но недостаточно точно (сердце задето не было). А может, и не со спины — ведь как тогда объяснить, что герой успевает увидеть «свет на кончике ножа» нападавшего?

...А может и не пырнул. Может, у героя просто кольнуло в области сердца — очень сильно кольнуло, больно и неожиданно. Он упал, запрокинув голову, перед глазами всё закружилось (строчки «Обходила яблоня по кругу // сад и пропадала в глубине» как раз об этом).

Раненый лирический герой пролежал на земле какое-то время, судя по всему, продолжительное: «тишины звенящей было вдоволь»; он начал замерзать («снег внутри пошел»), «птицы» обратились в «ворон», кричащих на «страшном языке».

И вот тут мне могут сказать: что за бред! притянута за уши! Нож здесь — малозначимая деталь, просто отражатель света, не более, и действие происходит не в саду, а внутри дома, на что указывают строки «Осень начиналась сразу всюду: // в голове, в распахнутом окне». Это просто тихий лирический стих о том, как человек завтракал на кухне с видом на сад, намазывал хлеб маслом, и нож блеснул в свете осеннего солнца, вот и всё! А «лёд под лопаткой», а «страшный вороний язык» — это просто... ну, впечатлительный он очень, этот герой. Так себя и до инфаркта довести можно...

Я начну возражать и спорить, и в итоге мы сойдёмся на том, что герой стихотворения всё же а) ранен, б) эта рана не обязана быть «физической», вполне возможно, тут метафора ранения красотой.

Но: Мимо сердца. Почему мимо? Недостаточно сильная красота? Или сердце хорошо защищённое, укреплённое, тренированное? Или просто усталое/ «мёртвое»/ старое?

Текст именно этим и прекрасен — своей неоднозначностью, неокончателюстью любой версии в интерпретации. И при этом доверие к нему не теряется: нет чувства фальши, случайных слов; ни в одном месте текст не дает повода сказать «автор поставил сюда такое-то слово ради рифмы» или «вот здесь мутно, о чем это?»

Ясность-прозрачность, волшебная фоника, зримая, насыщенная образность — но не совсем понятно, что произошло.

/Произошла поэзия. Разве этого мало?/

Еще в разговоре об этом тексте следовало бы остановиться на рифмах — мастерски неточных, воспринимающихся скорее как обаятельная особенность авторской речи, нежели как изъян. Работать так с неточной и бедной рифмой еще уметь надо! В данном случае нам продемонстрирован высший пилотаж.

Три розы от меня.

ЮМ:

Таня, даже и не знаю, что ещё можно здесь добавить!

Автор: Субъектив
15.10.2020 14:00

У меня, правда, не возникло ощущения действия, здесь как будто мир замер и всё происходит одномоментно, и даже глаголы будто проясняют картинки, а не приводят мир в движение.

Как будто кто-то ест вечером яблоки с ножа и фиксирует, что видит. А видит субъект поэзию момента, фиксирует её и передаёт нам с помощью стихотворения.

«Мимо сердца — сразу под лопаткой — лёд не лёд, во сне ли, не во сне».

Это, видимо, то самое невыразимое, связанное с ножом и говорящее о мимолётности чувства, остроте и мимолётности одновременно.

И ещё одно, необходимое, — у Евгения Баратынского книга стихов называлась «Сумерки», его поэтика действительно качнулась и погасла, чтобы возродиться на кончике ножа.

Птицы не могут быть напрасны, конечно, ведь это говорит небо, говорит как дышит, так что в каком-то смысле птицы научили его дышать.

Полный восторг — !!

РБ: (вопрос от Доктора)

Если «выправить» все инверсии — останется ли хоть что-то от харизмы?

[Конкурсное произведение 83. "Утро"](#)

ЮМ:

Рядом с этим текстом на листочке есть три пометки: восклицательный знак, «лихо» и «мимо». Между этими «лихо» и «мимо» текст и проезжает.

В целом текст напоминает эссе, разбитое на строки, сделанное стихотворение. Но только напоминает, это скорее рождённое, но для меня недопроявленное.

По идее, если «дети» — «цветы», то что означает превращение образа в «А вот и мы под утро, / два лучших ученика школы, девочка и мальчик, / возлагаем цветы.» Давайте ещё раз вместе проследим:

*Еще вчера дети росли,
а сегодня они —
оторванные пуговицы,
которые не пришить.
Последний звонок срезал цветы жизни,
собрал в букеты,*

Автор: Субъектив
15.10.2020 14:00

*поставил в вазы,
но выпускной вечер вазы перевернул,
рассыпал, разлил,
кого-то растоптал,
запачкал, оборвал лепестки,
кто-то просто привял под утро.*

«кто-то просто привял под утро» — дети стали оторванными пуговицами и срезанными цветами жизни одновременно, а потом случилось возложение цветов и припоминание войны во Вьетнаме.

Получается, что через возложение цветов ассоциативный ряд дошёл до войны.

Как будто всё время разрывается ткань и превращение образа происходит по очень прихотливым, как будто сконструированным построениям.

Очень интересно, что моя остроглазая коллега скажет об этом тексте.

ПК:

Эх... как-то мне грустно от этого текста. «Последний звонок срезал цветы жизни». Почему-то подумалось о Беслане. Там, правда, был первый звонок, а не последний... то есть первый, ставший последним.
В любом случае, можно ли так написать о детях, даже если имеешь в виду, что они просто перестали быть детьми?
Впрочем, ладно.

Беда текста даже не в этом сомнительном пассаже, а в вопиюще-занудной, навязчиво-дидактической концовке, которая гасит всяческую мало-мальскую симпатию к тексту. «Да, были люди в наше время, не то что нынешнее племя»... Скупое лермонтовское сетование «отдыхает» рядом с подробным, разросшимся до откровенного ругательства брюзжанием:

*и рождаются
все больше самоуверенных коров гну
да бодрых ослят Пржевальского.
Выросло поколение,
рубящее свои корни
все короче и короче.
Раса мелкотравчатых Фаустов
вызывает одного дьявола за другим,
и вирус скачет
большой и оранжевый,
как баскетбольный мяч.*

На такое даже возражать не хочется. Единственное желание — рассмеяться.

Автор: Субъектив
15.10.2020 14:00

**Примечание: в данном случае во мне говорит не «критик», а читатель, поэтому претензии вроде «неконструктивно», «это не разбор» не принимаются.*

РБ: (вопрос от Доктора)

Если ностальгическое высказывание начинается с минорной заурядности — может ли оно закончиться чем-то другим, кроме язвительного вывода: «раньше — трава была зеленой»?

[Конкурсное произведение 84. "Карельское"](#)

ПК:

Масштабно, живописно, как-то очень убедительно во всех смыслах и планах — от изобразительного до философского. Ну, «во всех» — тут я погорячилась. В двух смыслах, вышеназванных, — да, очень круто. В поэтическом тоже круто, но в меньшей степени.

Попробую понять, почему так чувствуется.

Малость человеческого существа, песчинки на фоне грандиозных ваяний времени и природы, подана читателю как на подносе. «Извольте: Карелия» — произносит автор и поднимает над блюдом клош.

«О-о, выглядит привлекательно! — говорит читатель. — А что здесь?»

«Здесь — суровая жизнь и смиренная смерть, бесподобный, свежайший болотный лес (лес и правда бесподобный, все три строчки, самый вкусный и поэтичный здесь образ), камни, песок и вода, щепотка сухих гроз, деликатесные сейды, трава и роса, ворон и голубь с оливой в клюве... а главное — предстояние перед ликом вечности крохотного, малюсенького существа, чей удел суета сует, глупость и страх.

Сообщение раскрыто очень прямо, наглядно, назывно. В последней строфе эта прямота переходит и вовсе в императив:

*А ты молчи. Твой страх глуп и бесплоден,
твой удел – суета. Прячься за ней от вечности,
ибо...*

Я не хочу сказать, что это плохо. Я лишь хочу сказать, что это скучно (с поэтической точки зрения).

Из того, что очень понравилось: три строчки про лес и вот этот чудесный образ:

*И пока горит костёр,
ты слышишь, как часы сбиваются со счёта*

Звук горящего костра, произвольно шелестящий, живой Хаос — и ритмически

Автор: Субъектив
15.10.2020 14:00

организованное отстукивание секунд, тик-так Порядка... И это мерное отстукивание — «сбивается», поглощённое-зачарованное монологом Хаоса.
В общем, это здорово.

Тексту, несмотря на излишнюю прямоту, дарю одну розу. Красивую и прямую.

ЮМ:

А это те картинки, по которым я не могу разделить чувства, как ни стараюсь.

С одной стороны мне вспоминаются «Баошичи».

«и поющие сейды, глухие мшистые старики,»

«сестрица к сестрице потягивают улыбки на лицах,»

Которые я вспомнила, потому что помню, что присутствовала при разборе стихов в офлайне, как нынче принято говорить.

... да, и в концовке видится нечто общее. Вы мне скажете, что это поэтика, а я скажу, что это кандалы формы.

Та же описательность, тот же недеятельный взгляд, только Карелия тут, а не Черногория.

И несмотря на то, голубь с веточкой оливы — это мир, а ворон — вестимо, беспокойствие, смотрятся они в контексте Карелии странно.

Вот и гадай, это автор вернулся к форме или очередная стилизация «по мотивам стихотворения».

РБ: (вопрос от Доктора)

Должен ли гуманитарий понимать, что песок, в отличие, например, от свинца, — по определению не может быть символом простоты, пустоты и бренности, так как это сложное химическое вещество: диоксид кремния?

[Конкурсное произведение 85. "О глубине"](#)

ЮМ:

Настоящая (по)беда названий — они задают читательское ожидание. Как будто ты уже приготовился и ждёшь, что сейчас, вот сейчас, вот сейчас ... в этом случае — будет о настоящей глубине, о невероятном невыразимом (или о какой-либо другой глубине).

Автор: Субъектив
15.10.2020 14:00

И вот перед нами текст стихотворения, который и милый, и приятный, и задорный, и ритмический рисунок у него красив, а вот будто чего-то не хватает.

Но в какой-то момент понимаешь, что этому стихотворению всего достаёт, оно именно такое, название только слишком громкое себе взяло, но а почему бы и нет?

Перед нами ученический этюд (и это безоценочная характеристика), из тех текстов, которых пишут много, когда «ставят руку». Путь его пролегает между рекой и городом: с одной стороны «Днепр», «мелкой зыби», «на чёрной рыбе с жёлтым ядовитым плавником», «рыба», «пучине», «поток», «вода», «за рыбой», «над мостом», «на пляже», «о глубине», «рыба», «Фаон», «скалу», «в иле», «крючок», «на дне», «волна»; с другой — «телефон», «едет», «дорог», «городской», «за окном», «телефон».

В некоторых местах эти ряды сходятся, как и положено в лучших мастерских: «городской пучине», «над мостом», «волна накроет телефон». То есть — «природа победит всё».

И всё хорошо здесь, кроме «и ночь оставит мне» — здесь появилась внешняя логика, которая как будто спохватилась: «ой, а к чему это про рыбу-то так хорошо было, надо ночь с рыбы скинуть на дно, поближе к самому наблюдателю и пуант в конце сделать, потому что с телефоном нужно что-то сделать, иначе он подвисает».

Где находится наблюдающий за всем этим субъект? Он всё время будто проносился рядом с этой чёрной рыбой, всё время держал внимание, пока не решил, что он на дно вместе с ночью отправится, да ещё и сами себя они с ночью в своей пропаже (видимо с рыбы) обвинят.

И волна накрыла телефон)

ПК:

Ярчайший начальный образ — «Это едет ночь на чёрной рыбе / с жёлтым ядовитым плавником» — сулит нам шикарную фантасмагорию, ёмкую, пружинно-короткострочную, не просто выстреливающую каждой новой строфой, а — салютами, фейерверками выстреливающую!

Но дальше таких удач уже нет, текст «забалтывается», рыба становится всё более среднестатистической «рыбой из стихов», то же происходит и с городской ночью, данной нам поначалу так эффектно, прямо вот обнаженный наездник с картины Петрова-Водкина «Купание красного коня»! Увы, вся эта красота, оказывается, нужна была лишь для того, чтобы завернуть в неё, как в фантик, малоизвестный миф о Сапфо и Фаоне.

Фаон / телефон, отлично рифмуется.

Сапфо / Днепр, не очень. Особенно если попытаться найти между ними хоть какую-то связь. Нет между ними связи. И не потому, что телефон затонул, а просто ее нет, не

ловится, даже на полрисочки.

РБ: (вопрос от Доктора)

Может ли нарочито крепко построенное стихотворение — быть долговечнее здания из кирпича, расчетный срок службы которого — не менее ста лет?

[Конкурсное произведение 86. "Свекровь"](#)

ПК:

Я бы назвала такой подвид поэзии портретным нарративом. Человек рассказывается, как история. А вместе с человеком рассказывается и собственно история, сюжетная линия некая прорисовывается. Но человек всё-таки «крупнее», он на первом плане, а уж история — за его плечом.

Здесь автор очень детально, подробно обрисовал и внешность свекрови, и обстановку-ситуацию, в которой эта внешность рассматривается лирггероиней как бы исподволь, украдкой (нет-нет да взглянет, приноравливаясь любить ту, к которой раньше питала неприязнь).

«Эволюция» этих отношений дана в нескольких элегантно-сдержанных штрихах. Неброский, но тонкий психологизм вьётся где-то по кайме истории; не сразу и обнаружишь, в чем он.

Ведь не в «мочёной грушовке» личика же. И не в том, что теперь «между ними» тарелка с дыней, (в то время как раньше «между ними» был сын/муж). Трубка мира в виде тарелки с дыней — хорошо, но психологизм не в этом.

А он вот в чем.

Всю вторую строфу сноха (героиня) описывает свекровь как сущую стерву, самодуру. А себя — косвенным образом, не прямо — как человека, пытающегося всё это терпеть. Ни о каких собственных винах-грехах она не упоминает.

Но в третьей строфе героиня говорит:

*Злость ушла и больше не тревожит,
сгинула моя дурная прыть.*

То есть как, какая прыть? Ты же кротко сносила, сноха, издевательства свекрови, ее колкие фразки (в ответ на регулярно и буднично роняемое «сынок, другую поищи» только поджимать губы и да крутить пальцем у виска — это же ангельский характер надо иметь!)

Говоря о СВОЕЙ «дурной прыти», героиня лукавит. Красиво великодушничает, беря

Автор: Субъектив
15.10.2020 14:00

вину на себя. Либо чего-то недоговаривает во второй строфе, где она показывает себя лишь с одной стороны — как жертву вредной свекрови.

В этой недосказанности, лукавстве, смиренной позе более мудрой из двух (гордыня-то не «остыла», как утверждается выше, просто приняла другие формы!) и есть самый смысл, самый психологизм стихотворения.

Цветок бледной нежности, раскрывшийся на излёте борьбы выюнка и повилики, сложнозапутанных друг в друге и проросших друг в друга до такой степени, что уже трудно разобрать, кто на ком «паразитирует».

Автору с поразительной точностью удалось всё это передать.

Две розы за тонкий психологический портретизм.

ЮМ:

Ничего здесь не вызывает моего чувства. Может, я не приемлю в современных стихах вот этой описательности и линейности. Может — рассказывания. Хотя «не приемлю» — это уже позиция, это уже искра, это уже точка начала речи.

А так ли уж не приемлю? Ну, нет.

Всё названо, зарифмовано, старательно убрано в форму. Чтобы ни крошки на столе не осталось, как-то очень по-хозяйски.

Единственное, что вспомнилось, это стихотворение про курочку Рябу, «въелась привычка любить и жалеть / хуже, чем курево, не избавиться». Там класснее было)

Не моё, видимо.

РБ: (вопрос от Доктора)

Не точнее было бы назвать эту оду — «Выставочная свекровь»?

[Конкурсное произведение 87. "Пустыня и река"](#)

ЮМ:

Для этого текста всё никак не могла найти точку наблюдения: только начнёшь слушать текст, а он ускользает, думай я о монахах ли и о монашестве, или что монашество-как-мы-его-знаем зародилось на территории Египта, ещё разное другое ли.

Но в какой-то момент это ускользание я решила применить к самому тексту и многое получилось, текст открыл свои замки.

В нём одновременно взаимодействует огромное количество персонажей, их число так

велико, их так много, от монады до Антония, от хаоса до жизни, «которой мы не знаем». Здесь каждое именование становится номинированием очередного персонажа, который что-то эдакое добавляет, то есть это созидание не столько звуком или словом как облаком значений, сколько характеристиками и их взаимодействиями.

Другое дело — как относиться к этому взаимодействию, и меня коробит одновременное существование монахов и сатира с кентавром.

Есть один момент, где в этом пэчворке появляется прореха и мы понимаем, что всё не всерьёз, всё понарошку — это где «обязанные допотопным мифам». Монахи повстречали кентавра и сатира и блуждали по лесу с хермитом, словно эллины со скрытными богами — а дальше словно рифмы лучше не нашлось, чем рогами и мифом. Вот и получилась строфа, описывающая всё так, как будто это в книге происходит; то есть был писатель рядом, а потом — бац, и переместился, да ещё и очень далеко. И, по идее, такие места самые сильные в стихах, ведь на наших глазах происходит разрушение строфы. Но что создалось на месте разрушенного?

ПК:

Текст сработан автором в технике «знакописи», в нем всё происходит на уровне символа, мифа, крупного элемента культурного кода (каковыми являются, например, крапления агиографической литературы, житийные образы и легенды).

Два «монаха», о которых повествует сюжет — св. Антоний и св. Христофор — «ищут друг друга», идя друг другу навстречу как бы от разных полюсов подвижничества: первый — отшельник-пустынный, избегающий человеческого общества, второй — типичный «людник», нашедший свое призвание в том, чтобы переносить людей через реку (он был огромного роста и переносил людей на своих плечах).

Подвиг отшельничества — и подвиг служения людям.

Пустыня — и Река.

Искушаемый бесами — и «Псаглавец» (Св. Христофора изображали на иконах с пёсией головой и называли христианским Анубисом. По преданию, изначально он был очень красив, но попросил Бога изуродовать его внешность — что и было сделано.)

Так-так-так, и что же всё это нам дает?

Вынуждена признаться, что мне не хватает той самой «банальной эрудиции», с точки зрения которой «не каждый индивидуум...» и так далее.

Толковать этот текст, не будучи подкованной в теме, дело неблагодарное и бесполезное. Интуитивно я чувствую, что это очень сильный, красивый текст. И удивляюсь, почему под ним не выросло полотно комментариев, где наши местные эрудиты обменивались бы репликами, способными просветить ум и усладить дух простого обывателя.

Как это было, например, под одним удалённым произведением, где шла речь о розах и

Автор: Субъектив
15.10.2020 14:00

Нострадамусе. О Человеке Ренессанса внутри чумного Средневековья.

Беседа Автора того удалённого текста с Валентином Емелиным явилась для меня, не побоюсь этого слова, откровением. Без всякой иронии говорю.

И вот — еще один текст, достойный такой беседы.

Дарю ему три розы — прежде всего за саму поэзию, а во-вторых, для привлечения внимания почтенной аудитории.

РБ: (вопрос от Доктора)

Не пора ли ввести в официальный поэтический оборот понятие «симулякр»?

[Конкурсное произведение 88. "Камо грядеши"](#)

ПК:

Первая часть стихотворения (до «призраков теней») — великолепная возгонка из ботаники в метафизику, сквозь куб лирики, в котором пар мысли насыщается сочной образностью и нежной сентиментальностью.

Ожидание гостей за накрытым столом в «ничейном» саду, мотыльки, объявший всё и вся неукротимый плющ, драпирующий запустение...

А самое главное — дом. Парадоксальный прозрачный дом, очищенный, как апельсин от кожуры, от стен, полов (и крыши, надо полагать); от собственно признаков «домости».

Эта часть текста очень хороша.

А дальше, где «призраки теней», «золото слов», «вещие старожилы» и прочие судьбы-судьи, там хуже, текст скучнеет и никнет на глазах.

ЮМ:

«Без окон, без дверей полна горница людей.» — эта загадка заслоняет собою полностью первую строку стихотворения.

Описан, видимо, какой-то очень личный сад, куда стремится субъект. Кому — огурец, а кому — сад. Так, наверное.

РБ: (вопрос от Доктора)

Что, если это — ифернальная реинкарнация загадки об огурце? "Ни окошек, ни дверей — полна горница гостей"

Где огурец — это теремок. Гости, это: мышка-норушка, лягушка-квакушка, зайчик, лисичка и волчок. А ЛГ — косолапый медведь, который и пытается ответить на вопрос, вынесенный в заголовок.

[Конкурсное произведение 89. "Зима в России"](#)

ЮМ:

Есть одна притягательная черта, которая позволяет записать мне это стихотворение в прекрасные — присутствие узнаваемого национального характера. И то, что это присутствие осуществится, заявлено уже в названии.

Говорят, что у Некрасова, это который Н.А., почти нет наследников, но на самом деле они есть и проявляются в таких прозрачных, нарочито скупых стихах. Вы попеняете мне, что это скорее пастернаковская речь, «И будем ладить по утру / Куда вас приложить» — но пусть бы и так, главное, что это интересная речь.

«Лепи их, лепится пока» — если бы ещё к удали и простору добавить характерное для нас «заодно» — было бы великолепнее великолепного.

Полный восторг — !!

ПК:

А я вот, Юль, вижу в этом стихотворении одно серьезное противоречие! И название текста, и эпитет к «бабам» явственно указывает и даже упор делает на то, что речь идет о русском (российском, православно-христианском) менталитете... а лепить при этом призывается не бабу, а БАБ. Много баб. Гарем.

«И будем ладить по уму/ Куда вас приложить» — многозначительно подмигивает налепленным бабам Иван-пашА.

Что-то здесь не то, тебе не кажется?

Я не то чтоб поборник нравственности (далека от этого), я просто «не вижу» этого султана из русской хаты, дымящей в яицкой степи.

Ну а по форме — да, бодрая короткая строка, полнокровные рифмы...

РБ: (вопрос от Доктора)

Финал неожиданностей не приносит, и от этого ли, но в навязчивом послевкусии ощущается присутствие конформизма?

[Конкурсное произведение 90. "До остановки"](#)

ПК:

При всех достоинствах текста, богатой образности, интересных рифмах, он всё-таки переусложнён, — пространства напластованы друг на друга, сшиблены и взаимоповреждены.

Чтобы не быть голословной, разберу первые две строфы.

Автор: Субъектив
15.10.2020 14:00

*Блесна трамвая. Что в его манке?
Своим звонком он открывает сцену,
и континенты сдвинутся в Пангею,
и зимний парк задышит плиоценом.*

*Его неколокольное "дзинь-дзинь!"
равно полёту техномеждометий
в дворовый гомон городской низины,
где ламповые псы заборы метят.*

Блесна — искусственная приманка для ловли рыбы. Манок — свисток, дудочка, имитирующая голоса птиц и зверей для их ловли. Как они могут быть задействованы одновременно? тут либо одно, либо другое.
И тем не менее, «пространство» номер раз: охота и рыбалка, или нечто среднее между ними.

Два: «он открывает сцену», театральная составляющая.

Три: Пангея, плиоцен... загляв в терминологию геологических эпох; пространство внезапно распаивается до планетарных масштабов, мы видим мельком, из окна трамвая, зимний парк... Юрского периода. (Эта четвертая строчка первой строфы, между прочим, сама по себе замечательна и волшебна — в отрыве от остальных.)

Дальше, две довольно громоздкие строки: «дзинь-дзинь» трамвая и есть техномеждометие, нет нужды говорить, что оно ему «равно». Звучит неуклюже.

И дальше — еще одно предлагаемое «пространство», городские низины, где «ламповые псы заборы метят».

Этот грубо-реалистичный образ существует в одном флаконе с «театром», что сразу режет слух, и с «плиоценом», и с «охотой-рыбалкой», и всё вместе это про дзинькнувший трамвай.

В моем восприятии это не собралось в одно. Возможно, дело даже не в том, что слишком много всего слишком разного, а в том, что у автора не получилось замкнуть и защёлкнуть эти образы в одно общее пространство, они так и остались каждый в своем мире.

Есть и еще очень неловкие места. Взять хотя бы вот этот «любовный треугольник»:

Похмельный дворник снегом очарован,
а снег — плевой расчищенной дороги.

«Плева дороги» это ой, конечно... На грани.

ЮМ:

Как хорошо объяснила моя коллега!

Автор: Субъектив
15.10.2020 14:00

«Плева дороги», на мой взгляд, была бы крутой, если бы действительно была плевой. Как будто здесь стихотворение осталось недопроявленным. У расчищенной дороги нет никакой плевы, как ни прихехешничай, не получается, вместе не звучит. А вот «плева дороги» — что-то в этом есть, хоть в блокнот писательский записывай.

Да и вообще, это самый крутой и яркий образ, вокруг которого можно выстроить очень звучащее стихотворение об инициации ли, другом ли каком переходе. Впрочем, это уже начинаю развивать образ, а нам что дано, то и дано.

И то, что дано, написано ярко и экстравагантно, но ... см. выше)

РБ: (вопрос от Доктора)

«Ламповый» — в значении: «теплый, домашний, камерный» — применимо ли к бродячим псам, метящим заборы, колеса машин и все подряд? Не слишком ли текст перегружен вычурными эпитетами, при явных недостатках в выстраивании мизансцены?

[Конкурсное произведение 91. "Дерево оплавленное"](#)

ЮМ: Не поклонница такой речи, и тем не менее — это очень интересная, красивая речь.

Я тоже оплавлена.

*Тоже, похоже,
из тех, что стекают по собственным веткам,
но (словно волшебное дерево сейба)
(как лев из Люцерны, страданье на морде)
Пытаются жить (не собрали костей бы
в обычном лесу).*

Есть строки, которые имеют меньшую ... степень проникновения — там, где подключаются размышления и описания, «деревьям таким лесорубы не рады» — ну зачем бы эти лесорубы?

А «течёт древесина как лава, как тесто» напомнило прекрасную картинку в профиле на FB ПостНауки — «Принцип квантовой неопределённости Чернышевского-Герцена. Одновременно можно точно знать лишь одно: либо кто виноват, либо что делать.»)))

Но очень красивая речь, невероятная. Надеюсь, и моей коллеге очень понравится)

ПК:

Нет, Юль, ты всё-таки поклонница «такой речи» — иначе не стала бы называть ее красивой, невероятной!))

А я... я вот точно не поклонница. Хотя во многом симпатизирую.

Автор: Субъектив
15.10.2020 14:00

Автор эффектно удивляет образом «древесной лавы», текущей по неким таинственным, скрытым в буреломе, протокам леса.

«Легенды о них вы слыхали едва ли» — всё больше интригует автор (то есть в гугл можно не лезть, это феномен авторский, эксклюзивный). Споткнувшись о местоимение во множественном числе, бросаешь взгляд вверх, на прочитанные строки:

*Я знаю, где прячется этот чудесный
феномен лесной! В буреломе нетесном
за скудным лесочком наткнулась недавно:
Течет древесина как лава, как тесто.
Легенды о них вы слыхали едва ли.*

О них — это о ком? с чем грамматически согласовано местоимение?

Нет такого слова.

И это первый звоночек, предвещающий утрату доверия к тексту.

Ну и дальше идет по нарастающей. Доверие иссякает.

«Так плаваются заживо те, что без кожи» — не строчка, а огорчение. В полку освежёванных лиргероинь прибыло. А я-то думала, поток бескожих в современной поэзии уже иссяк, потому что ну сколько можно.

Бурелом скобок в центральной части стихотворения мешает продрасть к смыслу.

Ну и самое главное — нет цельности в этом нафантазированном образе. Вначале «древесина течёт как лава», затем «уползает», как змея. Где-то между лиргероиня сравнивает ее с камнями и с собой, и немножко — с неназванным напрямую, но ассоциативно возникающим образом оплавленной свечи.

В результате я даже такой малости визуально представить не могу, как его, дерева, положение в пространстве: стоит ли оно, плавясь свечой, лежит ли на земле, подобно «уползающей» змее.

Но сама задумка мне нравится.

Пока я пыталась понять этот стих, со строчкой «течёт древесина как лава, как тесто» у меня сложились собственные, весьма приятные отношения.

На этой строчке вспоминается береговая линия Балтийского залива, где лес внезапно обрывается и на смену ему приходят огромные валуны, утопленные в песке. Так вот, эта остановленная, застывшая лава леса нависает над пляжем корнями, вышедшими наружу и причудливо перекрученными. Мне никогда не приходило в голову сравнить это с лавой. Спасибо автору — помог увидеть!

Обычно вопросы у нас задает Доктор... И всё-таки я спрошу. Как считаете, можно ли полюбить стихотворение за одну-единственную строчку?

РБ: (вопрос от Доктора)

«Нетесный бурелом» — звучит не совсем убедительно, а вкупе с героико-маршевым

ритмом и избыточным многословием, — не делают ли текст слегка «недоплавленным»?

[Конкурсное произведение 92. "Нестрашная история"](#)

ПК:

Начать с того, что «нож по зенкам» и «два тонких мальчика, прозрачных, бестелесных» не очень-то коррелируют, но зачем-то стоят так близко... Впрочем, ладно, это можно на что-нибудь списать. Мальчишки часто подхватывают услышанные где-то перлы, а потом расцвечивают ими свою речь. Спишем на это.

Но больше всего меня озадачил финал.

Мальчик, сам себя доведший до ужаса своим же рассказом, заглядывает в лицо брату, чтобы оценить произведённое впечатление. И что он видит?

*Пустые глуповатые глаза.
Какая-то нелепая ухмылка.*

Не знаю, как ты, Юля, а я бы бросилась прочь из-под навеса, не выдержав такого зрелища. Вот она где, реальная страшилка-то должна начаться! Брат-то... в зомбика превратился, пока сидели!..

Но с героем происходит ровно противоположное. Он говорит: фух! С облегчением выдыхает. Всё в порядке, всё хорошо:

*И жуткий сад вдруг стал обычный сад.
И дождь, как дождь. Как говорят — земля умылась.*

То бишь пустые глуповатые глаза и нелепая ухмылка — это именно то, что надо, что немедленно успокаивает и отгоняет страхи.
Хм...

ЮМ:

Эта двадцатка очень-очень разнообразна, в ней собралось много разных стихотворений, разных — как на подбор.

Обычно к стихотворениям-историям отношусь очень прохладно — ну, ещё одна история, ну подумаешь. Но это не тот случай, это стихотворение только притворяется рассказом.

С одной стороны — история вроде бы линейна и последовательна, но на самом деле нет.

Вот в этом месте — «Я был рассказчик: зная, где давить, / выстраивал историю с

Автор: Субъектив
15.10.2020 14:00

подтекстом.» — происходит тоже самое, что несколькими стихотворениями ранее, происходит разрушение единства пространства в строфе, в ней происходит движение с улицы внутрь беседки и уже кажется внутрь тебя самого, и случается перевёртыш, признание, и это и есть максимальное движение внутрь и в то же время — поднятие над текстом, примерно как актёр останавливается и говорит: «ну, вы же понимаете, что я играю роль», а мы — «да-да, дорогой, продолжай».

Всё здесь призвано не напугать, но рассказать, и само название на это намекает, рассказать кое-что больше, чем просто нестрашную историю.

Таня, а мне как раз очень понравилось место про пустые глаза, на мой взгляд оно достоверное очень, художественно правдивое, потому что именно в этот момент рассказчик как будто отражается в глазах, понимает, что он пугает того, кто слабее, потому что сам боится.

Поэтому и сад становится обычным садом.

Полный восторг — !!

РБ: (вопрос от Доктора)

Является ли эквивалентной для атмосферы произведения, замена «кровавых мальчиков в глазах» — «грозой, ножом по зенкам»? Влияет ли на остроту восприятия ситуации — психологический саспенс «здесь и сейчас», так же, как «художественное» изложение канувшего в лету случайного эпизода?

[Конкурсное произведение 93. "Клавкина высота"](#)

ЮМ:

Таня, я тебя сейчас сильно удивлю, но здесь я тоже вижу Подбродского, как метко ты подметила ранее))

«Хата есть, да лень тащиться».

«Я не блядь, а крановщица».

*«Жизнь возникла как привычка
раньше куры и яичка».*

[И.А. Бродский «Представление»]

Ну не Семеон же Полоцкий, в самом деле.

Да и вряд ли Игорь Холин, которого я процитирую, чтобы перейти к следующему стихотворению:

Автор: Субъектив
15.10.2020 14:00

*Вот Крестьянская застава.
Жду. Должна приехать Клава
Не поздней шести часов,
Пусть завидует Петров.*

*Вот Крестьянская застава.
Не приедет, видно, Клава.
Время скоро шесть часов,
Видно, с Клавою Петров.*

[И. С. Холин. «Вот Крестьянская застава...» (1959-1989)]

ПК:

Добротный такой социально-бытовой сказ, и да простит мне автор выбранное слово «добротный», которое в разговорах о поэзии уже давно приравнивают к ругательству наравне с «мастеровитый», «уверенный» и какой-нибудь «крепко стоящий на ногах». Но здесь это не ругательство. Сделано действительно добротно, на века — и на своего читателя, который всегда был у такого рода поэзии, есть и будет.

Глуповатое «здрасьте» (еще, небось, с характерным кивком-нырком) при виде Бога — самый симпатичный и милый здесь моментик.

За него и розы не жаль!

РБ: (вопрос от Доктора)

Извините, комментарии не осилил, все потенциальные совпадения мыслей — прошу считать совпадениями.

Известно ли почитателям пост-соцреализма, что слова «стрела» и «стрелка» — не могут являться синонимами в отношении стрелы подъемного крана? Можно ли признать прямую речь героини «Клавка, лезь... мышей летучих нету здесь...» — пост-героизмом, а рифму «чайник-начальник» — пост-новаторской?

[Конкурсное произведение 94. "Иванов всплывает"](#)

ПК:

Мне кажется, это сиквел остросюжетного мартыновского триллера « [увлекали Увлекаева струи пенистой реки](#) ».

Интрига в том, что река уволокла Увлекаева, а всплыл — Иванов. Как такое может быть? Ждите следующих серий!

Добавлю, пожалуй, еще то, что здесь главный действующий приём — игра на стыке

Автор: Субъектив
15.10.2020 14:00

трэш-абсурда и «серьёзной», всерьёз сокрушающейся и как бы слегка причитающей интонации. Автор так и этак вертит эту фразу, приглашая читателя разделить с ним недоумение по поводу странной «закономерности» — всегда и везде всплывает Иванов! Фраза могла быть любой другой, вплоть до бессмыслицы о глокой куздре, но характерная интонация озадаченного сетования/удивления (нет, ну почему всё время Иванов, почему не Петров, не Сидоров «опять же», не Чугунов?) делает ее одновременно рационально-содержательной и — еще более абсурдной.

Всё стихотворение напоминает шутку в английском духе, когда с совершенно бесстрастным лицом (poker face) произносят нечто, переводящее разговор в плоскость юмора, остроумия. Если собеседник не способен вычленить и распознать такую шутку — это его пробелы.

Долго колебалась, сколько роз подарить.

Сделаю покер фэйс и протяну автору полторы розы, предоставив ЕО возиться с картинкой в Заключение.

/шутка. Розы — две! /

ЮМ:

Какое отчаянное стихотворение! — ну просто крах!

Тут тебе ни ярких, заковыристых строчек, ни тебе проникновенных историй, никто даже не умирает! А почему-то сочувствуешь и сопереживаешь и Иванову, который как тот стяжатель мыкается, и Петрову, и тому, кто этого несчастного Петрова ждёт, и даже Чугунову, что он просто пешка в чужих страстях.

Не зря я перед этим вспомнила Игоря Холина, лианозовская школа многое подарила русской поэзии, она научила стихи лишаться пафоса и совершенно этого не бояться, потому что пафос высказывания совсем не в словах.

А картинка зримая, узнаваемая, тоже бывает ждёшь, когда тебе в чатике напишет нужный человек, а приходит всякий спам.

Строчка предпоследняя мне не нравится категорически, но — что делать.

Полный восторг — !!

РБ: (вопрос от Доктора)

Означает ли это, что согласно таблице плотности жидкостей — окружение, в котором всплывает Иванов, и окружение, в котором тонет Чугунов, — разные?

[Конкурсное произведение 95. "Часы — мнемозины"](#)

Автор: Субъектив
15.10.2020 14:00

ЮМ: «Зима недаром злится» наоборот, там зима уходит, а тут приходит. Только так можно было писать Тютчеву, не потому что тогда что-то там не развито было, нет, не поэтому.

Мир был другим.

Это был мир уже паровых двигателей, но ещё факелов, это мир свечи, и даже когда Пастернак пишет «свеча горела на столе / свеча горела» — это уже уход от действительности и он-то и говорит о переносе в запредельное.

А мы живём в постиндустриальном, цифровом обществе после постмодернизма. Какая, друзья, к свече, зима в песцовом мантио? Это крупный план из фильма Эльдара Рязанова?)))

ПК:

Считается, не столь важно, о чём стихотворение, важнее — как. Как сделано. Но есть и в этом правиле исключения.

Когда видишь, что акторами в тексте являются Осень, Зима, Весна, Лето... что они «притворно печалются», подталкивая друг друга к выходу... то, в общем, уже и не важно — как. Как справился автор с поставленной задачей: одушевить времена года и заставить их действовать. Особенно когда, окинув текст взглядом, оцениваешь его объем как весьма внушительный.

Нет более верного способа вогнать читателя в тоску, нежели этот.

Однако же не могу не отметить, что среди щедрой россыпи набивших оскомину осенних маркеров и метео-метафор — есть одна изумительная строка. Она как будто не отсюда.

«Твой крестик напрудный, святая моя водомерка»

...

Вот нарастить бы новый текст вокруг этой строчки!..

РБ: (вопрос от Доктора)

Можно ли выбиться в соавторы, предложив поправку, делающую текст еще более многозначительным:

*«На Юге — регата под знаменем дедушки Ноя:
в остатке сухом побеждает всегда борщевик»?*

[Конкурсное произведение 96. "Улётное"](#)

ПК:

Вянет лист, проходит лето. Эпидемия всё это.

Автор: Субъектив
15.10.2020 14:00

Как лист увядший падает на душу...

«Вянет лист...»

Сам этот выбор зачина говорит о том, что автор апеллирует к читателю просвещенному, к читателю, знакомому с поэтической генеалогией.

В таком зачине нет ничего неприличного и постыдного. (Это я вступаю в спор с собратом-комментатором Станиславом Струцинским, писавшим об этом тексте: «Всё бы ничего, но начинать после Козьмы Пруtkова стихотворение словами "вянет лист" несколько неприлично»).

Прилично, Станислав, вполне прилично.

Может быть, это лишь моя иллюзия, но у меня давно сложилось ощущение, что по какому-то негласному сговору зачин с увядшим листом — карт-бланш поэту для «вольного подражания», возможность импровизировать, отталкиваясь от уже готовых строк, и не быть при этом уличённым в плагиате и вторичности.

А всё потому, что каждый из нас, пишущих стихи, может продолжить собой этот ряд, быть вписанным в него третьим: Козьма Прутков — вымышленный поэт Цурэн Правдивый — NN (я).

Есть в нем, в этом листе увядшем, какое-то кроткое волшебство, посвящение в братство. Падает увядший лист, касается чела, плеч... посвящает в поэты)

Но тут есть и определённого рода западня.

Велика вероятность не подняться выше уровня экзерсиса, остаться в границах «жанра» (а это, в некотором смысле, жанр — упражнение, ученический этюд, «разработка пальцев»).

В данном случае текст в западню так попадает.

Это чувствуется по многим признакам.

Например, такая штука, о которой можно сказать: текст апунктационно-зависим.

Расшифровываю: если вернуть тексту все пропущенные знаки препинания, половина его прелести будет потеряна.

В оригинале:

*Вянет лист и не случаен мой душевный эпикриз
Здесь внизу всё удручает тяготит и тянет вниз
Здесь внизу я посторонний мне б витать на небеси
Птица сядь ко мне в ладони ну а лучше унеси*

С восстановленными препинаками:

Вянет лист, и не случаен мой душевный эпикриз.
Здесь, внизу, всё удручает, тяготит и тянет вниз.

Автор: Субъектив
15.10.2020 14:00

Здесь, внизу, я посторонний: мне б витать на небеси.
Птица, сядь ко мне в ладони, ну, а лучше — унеси!

Возвращённые знаки восстанавливают интонацию, придают «выражение», подчёркивают цезуры. С ними, с одной стороны, читать и понимать комфортнее. С другой — они отменяют скороговорку, ровный медитативный речитатив, льющийся в восприятие при чтении текста-без-запятых.

К словам возникает больше внимания, и сразу становится видно, как много слов лишних, необязательных.

Текст производит странное впечатление: и нравится, и не нравится. Нравится безусловной талантливостью. Не нравится тем, что не могу отделаться от ощущения, будто текст прикладывает усилия произвести максимальный эффект.

И этот зачин, и нулевая пунктуация, и привлечение звучных словечек (модзуны, ёкодзуны), и внутрисксемная инверсия (ница-си) — в общем, почти всё способствует тому, чтобы заподозрить текст в «сделанности». В избыточной «сделанности». Когда «сделанность» в меру, это как бы и неплохо, но когда через край, то вроде что-то не то...

Тем не менее текст хорош и заслуживает целой одной розы.

ЮМ:

Всё-таки для меня это стихотворение выглядит слишком гладкописным, а выбивающиеся из ряда слова — слишком случайными, как будто взятыми случайно.

Я встречала такую технику письма и вот, что выручало каждый раз такие стихи и вытаскивало из тенёт скуки — неожиданность.

Крутая вещичка, ведь — «Птица, сядь ко мне в ладони, ну а лучше унеси» — но она ложится под строки, вроде «мы с тобою от напастей улетим за окоём» — это уже уносящая птица, однозначно летящая, а вот та птица, которая «сядь ко мне в ладони, ну а лучше унеси» остаётся только в первой строфе. И мне очень жаль этой птицы.

РБ: (вопрос от Доктора)

Не досужее ли времяпрепровождение порождает такие досужие стихи, в которых ничего прямо не случается, а норовит следовать принципам сказочных царей: «Хочу то — незнамо что, поэтому поди туда — незнамо куда, принеси то — незнамо что»?

[Конкурсное произведение 97. "Приходит дочь"](#)

ЮМ:

Приятное, милое стихотворение неширокого применения.

Автор: Субъектив
15.10.2020 14:00

При этом мне очень нравится первая строфа, но то, как развивается образ, мне не нравится, потому что «говорил, заговаривался, говорил и опять говорил без умолку» непременно всплывает в памяти и полностью затеняет это стихотворение от меня.

Недавно я подумала, что как хорошо женщинам — бери и говори всю русскую поэзию от женского имени, а теперь понимаю, что — бери и говори дальше, особенно если можешь.

Может я излишне сурова к этому стихотворению, но это потому, что первая строфа очень много обещала. Потому что я очень хочу, чтобы пишущие светом не прятались в тени.

Анжамбеман только подвёл, ну его куда подальше, это уж не cool)

Р.С. подглядев, что Таня написала внизу, добавлю собственную интерпретацию: дочь — это стихотворение, это строка или книга, поэтому и «День повторяется и вечер» и «Приходит и садится вечность / и за руку меня берёт». Ну так я прочитала, по крайней мере)

ПК:

Ох... а мне не показалось «приятно-милым». Скорее загадочным и грустным. Вот, дорогая коллега, настолько у нас с тобой разное восприятие, даже удивительно...

Этот текст мне напомнил еще одно стихотворение, до которого мы как обозристы еще не дошли: 132. «Скажи ему».

Только там фантомный мальчик (брат, сосед (?)), а тут — фантомная дочь. Она появляется только в минуты тишины, полного одиночества. Как только эти минуты истекают, дочь уходит:

*Когда становится мобильна-
я наконец доступна сеть,
Смеётся дочь и прячет крылья,
Тотчас готовая взлететь.*

С крыльями немного путано: готовясь взлететь, их не прячут, а как раз наоборот, расправляют.

«Приходит дочь» звучит почти как «приходит ночь». Не могу отделаться от этой подмены звука, а значит и не надо от нее отделяться.

Стихотворение — с флёром потусторонности, за-гранности, но при этом странно светлое и как бы даже без намёка на грустную тему. По крайней мере, никто из комментаторов (кроме меня) ничего «такого» не заподозрил.

Вот и я боюсь назвать «такое» прямыми словами, ищу осторожные обходы, чтобы не приписать ненужного в адрес чьей-то живой, здоровой, счастливой и прекрасной дочери.

Одну розу — за эти пробежавшие по коже мурашки от холодка неоднозначности.

РБ: (вопрос от Доктора)

Нравоучительная история достойная похвалы. Единственный вопрос: дочь с вертикальным взлетом, беспроводной подзарядкой от мобильной сети и интерфейсом совместимым с материнским? А можно две?

[Конкурсное произведение 98. "Королева Елизавета"](#)

ПК:

Наверняка очень хорошее стихотворение. Но для меня оно оказалось слишком громоздким... нет, лучше — грузным.

*Все последующие поколения учеников
Называли ее королевой Елизаветой.
Царственная стать ей всегда была присуща.*

Совсем не представляю, как величественный, царственный педагог (а ведь она такая! Королевами Елизаветами учительниц за просто так не называют!) говорит встреченной в транспорте бывшей ученице... даже не говорит, а впроброс роняет, что она, мол, для нее — мама. «Разве маме возвращают деньги?»

И всё, и адье, учительница первая моя, прощай навсегда, еще ли на пару десятков лет, или на один десяток, или на полгода... в тексте не указано, но ясно одно: встреча в автобусе была случайной и единственной, ее запросто могло не быть, никто из героинь не стремился увидеть другую снова... а тем не менее, какие пафосные слова! «Мама»! какие значимые пять копеек, зажатые в кулаке!

Пять копеек в качестве «закрепления азов нехитрой житейской науки», полученные от «мамы», как-то резко и напрочь меня дезориентировали в этом стихе. Я перестала что-либо понимать. Вернее так: хотеть понимать.

На уровне реальности их встреча и внесённые учительницей 5 коп. за расстерявшуюся девочку, бывшую ученицу — это незначительный эпизод. Тем более что они друг друга больше не видели.

На уровне «высоких метафор», оплаченный учителем проезд в автобусе жизни — о да, это очень красиво.

Но, ёлки-палки, неужели эти 5 копеек в автобусе — самое важное воспоминание об этой женщине, ведь должны же быть еще какие-то, не связанные с покупкой билетика!

В общем, случайные 5 копеек и «школьные годы чудесные» вступили в моем восприятии в некий неразрешимый конфликт и так и не дали мне возможности проникнуться чувствами девушки-героини к ее царственной «маме» Елизавете из детства/школы/автобуса.

Но одну розу, скрепя сердце, всё-таки оторву... от сердца...

ЮМ:

Каждый раз стихотворение действует одинаково на меня: читаю и поражаюсь. Ну как всё это может существовать вместе? Что это? Про что это?

И каждый раз оно действует одинаково: пробегают по спине мурашки и выпрямляется спина.

Я думаю: «ну какое "огладила по волосам и пожала руку"? В жизни это невозможное действие. В жизни это невозможное действие, а в другом пространстве — настоящее и убедительное.

И это очень честные стихи.

Обычно пространство, которое обращается сном, разрешается виденными способами, ну хотя бы «и тут я проснулся», или «плеснули водой», или что-то подобное.

Но тут происходит постоянное переключение между событиями-пространствами, мы думаем, как будто находимся в реальном пространстве, обычное жизнеписание через сравнения. Мы называли её Елизаветой — приятная интонация, к чему-то про Елизавету, а не Екатерину, а, ну потому что не про Екатерину, да — и потом переключение в память.

Т.е. пространство речи — «мы называли» — переходит в пространство памяти — потом уже забываешь про память и находишься в пространстве жизни-автобуса, с учительницей, которая оплачивает проезд — ты выходишь из этого, но стихотворению мало простого выхода, поэтому «последний экзамен», «больничная палата», «сон», «искусство», «история» — и всё разрешается смертью.

Это стихотворение, которое номинирует не образы, не слова, а пространства, связывает их и с помощью этих пространств достигает эффекта.

Круто!

Малый восторг — !

РБ: (вопрос от Доктора)

Кто-то из присутствующих озвучил: «естественная манера изложения». Напомните пожалуйста, много ли учителей служит в минобрнауки, которых поколения(!) учеников «естественно» называют «Королева» или, хотя бы, «Принцесса»?

[Конкурсное произведение 99. "Плясовая"](#)

Автор: Субъектив
15.10.2020 14:00

ЮМ:

Вот я намаялась с этим стихотворением! Думаю — ну вот что же это такое, почему же оно мне нравится?

А потому что похабному искусству быть и подарю-ка ему один свой малый восторг, а если бы стихотворение не село на цирк «в конце влекла сезоном бархатным, // А оказалась чистым / ша- / пи- / том.», было бы целых три восклицания. Нет, ну правда, ну почему шапитом-то?) После всего предыдущего наговоренного, мерцающего, проходящего по грани? М?)))

Но мне нравится.

Вот так вот! (Сама себя удивила)))

Малый восторг — !

P.S. И не удержусь от цитаты любимого стихотворения)

*две пары внешне голеньки
в лесу не берегутся
я узнаю в них оленьку
из нашего киббуца*

*по пяточкам по вымени
по плотности наркоза
совслужащую имени
столетья совнархоза*

*ах вымахала выросла
до самой сумасбродки -
сестра седого вымысла -
моей покойной тётки*

*- ты, слово, вроде, массово
- нет, индивидуальна я
цитируя некрасова
сестра его родная*

[О. Бабинов «Оленька»]

ПК:

Ну что сказать, рифмы классные, шаловливые, но к одной всё-таки придерусь: шепотом/ хорошо потом.

Это уже очень избитая, опопсовевшая рифма.

Автор: Субъектив
15.10.2020 14:00

Мы с тобой шепотом, шепотом / Спрашивали: «Что потом? Что потом / будет?»

или того же плана:

«Ах, как я была влюблена, мой друг — и что теперь? Я думала это весна, а это — оттепель».

Мне кажется, автору таких шикарных рифм как «зрелости / перепреют в стих», «в раю цвели / поллюции» не с руки обращаться к хорошопотам. Не его уровень.

РБ: (вопрос от Доктора)

Что первичнее для читателя: авангардизм изложения или авангардизм поэтической мысли?

[Конкурсное произведение 100. "Что это, кто? – семь ночей подряд..."](#)

ПК:

Стихотворение — настоящий вызов читателю-«потребителю», для которого важнее всего комфорт восприятия, а затем уж всё остальное.

Текст выводит из зоны комфортного восприятия. Его нужно прочитать несколько раз, чтобы разобрать все его логические (и алогичные) связи и оценить все его достоинства (которые поначалу могут казаться провалами).

Я, как обычно в таких случаях, попыталась прежде всего увидеть картинку, включающую центральный образ и окружающее его облако обстоятельств. Образ: лежащий в пост-операционном периоде, в медикаментозном бреде (или «отходняке» от него) некто, серьезно пострадавший в дорожной аварии. Возможно, у него ампутированы конечности: на мысль об этом наводят строчки

*Деревья тоже наши предки.
Нюхни, не бойся же, нюхни
Свои обрубленные ветки.
Генеалогию родни.*

/«Нюхни генеалогию родни» звучит дико, но... спишем на бред, это раз, а во-вторых — очень уж кошмарно-прекрасные три предыдущие строчки этой строфы, за них можно многое простить./

И дальше: «достоевские листочки / Облепят твой толстовский ствол». Снова хорошо сказано! (И — еще один «толстой» в мою коллекцию повторяемых образов КБ-2020).

Возможно, впрочем, «ампутацию» и не стоит принимать буквально; вполне допускаю, что это метафора «отрубленности» от привычной, нормальной жизни, метафора изменённого состояния, в котором пребывает герой. Отчасти он дерево, отчасти — витающее в умозрительных трехсферах, расписанных фресками великих мастеров, эхо

Автор: Субъектив
15.10.2020 14:00

личности (а эта личность хорошо разбиралась в живописи Ренессанса, любила ее — и теперь пытается «взять с собой, туда, за край... в запредельное»). Отчасти он влюблённый мужчина с рефлексорно подрагивающими в памяти романтическими женскими образами.

В стихотворении легко увязнуть, разбирая подробно каждую строфу, «рефлексируя на нее», как выразился где-то, по поводу другого текста, Валентин Емелин (за что был нещадно закритикован).

Я не буду этого делать. Приторможу пока.

Скажу только еще о Смерти. Здесь она явлена в двух ипостасях: безглазый (безликий) «летательный аппарат» с когтями, что-то вроде «босхова квадрокоптера» — и угрюмая отроковица с печальным взглядом и, почему-то, внешностью Перельмана. (Я пишу «почему-то», но на самом деле это — здорово; это как дерзкий выпад и укол рапирой иррациональности, и нет нужды мотивировать, откуда вдруг у Смерти черты лица известного математика).

В финале Смерть-«существо» отступает, уходит от больничной койки героя, оставив ему «дарственную» на жизнь.

Через полгода, когда герой окончательно оправится от тяжёлых травм, существо и вовсе его «забудет». Только листья дерева за окном будут напоминать о той аварии, о «горячем бреде листвы придорожной».

...И уж конечно — моя трактовка не претендует быть единственно верной. Весь этот текст — поле непаханое для разного рода интерпретаций. И «подросток» в нем не обязательно Смерть, и герой не обязательно полудерево, этакий древоид из покалеченной плоти.

В который раз за этот опыт с обзорами убеждаюсь, что «неоднозначность» текста — при условии высокого уровня исполнения — это огромный жирный плюс.

Чем больше у текста «валентностей», тем выше шансы, что он как минимум одной из них «свяжется» с внеположным Другим, с читателем, и связь эта будет крепкой и плодотворной.

У прямолинейный текстов, например, у чистого нарратива шансы на это ниже.

Три розы.

ЮМ:

Как интересно, Таня, я совсем не вижу смерти, я вижу её вечную спутницу — любовь.

Кто-то встретил такую женщину, может Музу, может — саму любовь. Она склонна к драматизации «Ботичелли, демоны, жалость». Это она — потом, в конце — «подростковый, угрюмый взгляд / Неотмирное, дивное царствие».

Это она и есть существо, «ты забудешь меня, существо. / Не пройдёт и полмесяца.» И

Автор: Субъектив
15.10.2020 14:00

это он обратился тополем, потому что они соприродны, но доказать этого не удалось. Это она «Перельману родственница», это она, всё она.

*Ты забудешь меня, существо.
Не пройдёт и полмесяца.
Под окном твоим — чёрный ствол.
Всеми листьями бесится.*

«И Достоевские листочки / облепят твой Толстовский ствол» — это чудо, что такое, это и действие, и ситуация, и образ, одним словом — поэзия.

P.S. Таня, там с этими рефлексиями дело было в речи, «рефлексировать на ...» — как-то очень уж чудно звучит. А просто, без «на» — почему бы и не рефлексировать?

Восторг-восторг — !!!

РБ: (вопрос от Доктора)

Тянет перечитать?

ЮМ:

Зачем перечитывать то, что врезается в память?

ИМХО-КЛУБ: ТЕРРИТОРИЯ СВОБОДНОГО МНЕНИЯ

Заключение:

ЮМ:

P.S. Какая великолепная двадцатка! Все бы такие были)

Малый восторг — !

[Конкурсное произведение 98. "Королева Елизавета"](#)
[Конкурсное произведение 99. "Плясовая"](#)

Автор: Субъектив
15.10.2020 14:00

Полный восторг — !!

[Конкурсное произведение 82. "Мимо сердца"](#)

[Конкурсное произведение 89. "Зима в России"](#)

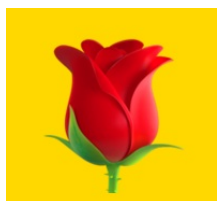
[Конкурсное произведение 92. "Нестрашная история"](#)

[Конкурсное произведение 94. "Иванов всплывает"](#)

Восторг-восторг — !!!

[Конкурсное произведение 100. "Что это, кто? – семь ночей подряд..."](#)

ПК:

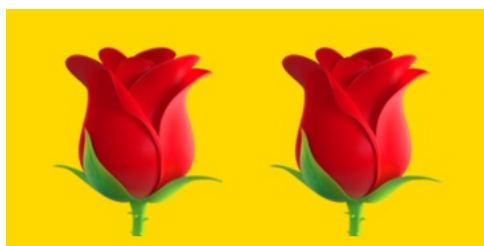
[Конкурсное произведение 84. "Карельское"](#)

[Конкурсное произведение 93. "Клавкина высота"](#)

[Конкурсное произведение 96. "Улётное"](#)

[Конкурсное произведение 97. "Приходит дочь"](#)

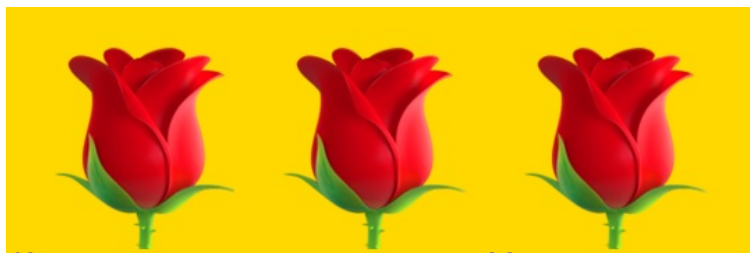
[Конкурсное произведение 98. "Королева Елизавета"](#)

[Конкурсное произведение 86. "Свекровь"](#)

[Конкурсное произведение 94. "Иванов всплывает"](#)

Автор: Субъектив
15.10.2020 14:00

Конкурсное произведение 870 "Имхо-клуб" сомнительно подвело."

ИМХО-КЛУБ: ТЕРРИТОРИЯ СВОБОДНОГО МНЕНИЯ